

В. К. КОСС

ОН НАНЯЛ МЕНЯ НЯНЕЙ И НЕ УЗНАЛ СВОЮ ДОЧЬ

В.К. Косс

**Он нанял меня няней
и не узнал свою дочь**

«Автор»

2026

Косс В.

Он нанял меня няней и не узнал свою дочь / В. Косс — «Автор», 2026

Семь лет назад Алина Морозова отпустила Максима Орлова и не сказала ему, что ждет ребенка. Теперь она осталась без работы и жилья и принимает контракт с проживанием: помочь восьмилетнему Никите восстановиться после тяжелой травмы. Хозяином дома оказывается Максим - бывший врач и владелец службы медицинской эвакуации, привыкший спасать людей, не спрашивая их согласия. Он уверен, что шестилетняя Варя - дочь покойного мужа Алины. Алина знает: правда разрушит хрупкое доверие, которое только начинает возвращаться. Но тайна уже перестает принадлежать ей одной. Максиму предстоит узнать, что он пропустил шесть лет жизни собственной дочери, а Алине - признать, что защитой ребенка она называла решение, принятое за всех. Чтобы стать семьей, им придется научиться не спасать друг друга, а спрашивать, слушать и давать право выбора.

Содержание

Глава 1. Собеседование с прошлым	5
Глава 2. Три месяца под одной крышей	14
Глава 3. Допустимый риск	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

В.К. Косс

Он нанял меня няней и не узнал свою дочь

Глава 1. Собеседование с прошлым

Мужчина, которому я семь лет не сказала о дочери, открыл дверь сам.

Варя стояла рядом и держала меня за два пальца. На плече у нее висел рюкзак с лисой, из бокового кармана торчал мятый лист цветной бумаги. Пока я смотрела на Максима Орлова, дочь успела вытащить лист, сложить угол и снова убрать. Так она делала, когда волновалась: занимала руки, чтобы никто не заметил.

Я тоже хотела чем-нибудь занять руки. Например, разорвать распечатку с адресом, на которой имя работодателя было обозначено двумя буквами: М. О.

— Алина, — сказал Максим.

Не спросил. Узнал.

Семь лет почти не изменили его лицо. Короткие темные волосы стали чуть светлее на висках, у рта появились две резкие складки. На нем были темные брюки и белая рубашка с закатанными рукавами. Он выглядел так, будто вышел из кабинета на минуту и собирался туда вернуться, а не встречал дома кандидаток.

Он посмотрел на Варю. Не задержался на ее глазах, не начал искать сходство, не сделал ничего из того, чего я боялась всю дорогу. Просто перевел взгляд на детский рюкзак, затем снова на меня.

— Агентство предупредило, что вы приедете с ребенком, — сказал он.

— Да. Няня заболела утром. Я предложила перенести встречу, но ваш менеджер подтвердил, что дочь может приехать со мной.

— Подтвердил.

Он отступил, освобождая проход.

— Заходите.

Я могла сказать, что произошла ошибка. Могла развернуться, посадить Варю в машину и уехать, пока Максим не задал ни одного вопроса. Но через две недели хозяин нашей квартиры собирался передавать ключи покупателю. На банковской карте оставалось достаточно денег на месяц, если не вносить залог за новое жилье. Центр, где я работала, закрылся внезапно, а место в новой клинике мне обещали только с сентября.

Трехмесячный контракт с проживанием был не удачей. Он был выходом, который я искала последние двадцать дней.

В агентстве вакансию называли работой няни с опытом детской реабилитации. Но по обязанностям требовался не человек для игр и прогулок, а специалист, который составит программу восстановления и поможет ребенку вернуться к обычному режиму.

Просто в объявлении не было фамилии Орлов.

— Мам, мы идем? — тихо спросила Варя.

— Идем.

За высокими воротами я успела представить мрамор и позолоту, но прихожая оказалась простой: светлые стены, широкая скамья, закрытые шкафы. Справа стояла пара детских костылей. На резиновых наконечниках налипли сухие травинки.

Я помогла Варе снять кеды. Максим молча поставил рядом гостевые тапочки.

— Туалет там, — сказал он, заметив, как она оглядывается. — Первая дверь слева.

— Я сама найду, — ответила Варя и посмотрела на меня. — Можно?

Я кивнула.

Она ушла по коридору, а мы остались вдвоем. Максим не предложил мне снять легкий жакет и не спросил, как я жила все эти годы. Я была благодарна ему за оба решения.

— Вы знали, к кому едете? — спросил он.

— Нет.

— Совсем?

— Агентство соблюдает конфиденциальность клиента. Мне сообщили только возраст мальчика, диагноз, район и условия проживания. Если бы я знала фамилию, предупредила бы заранее.

— Отказались бы?

Честный ответ был слишком сложным для прихожей.

— Попросила бы раскрыть вам мое имя до встречи.

Он выдержал короткую паузу.

— В резюме оно было.

— Значит, вы его не читали.

— Читал помощник. Я попросил выбрать троих специалистов с опытом восстановления детей после травм.

Максим говорил ровно, но я помнила эту его манеру. Чем сильнее он сердился, тем меньше в голосе оставалось лишних интонаций.

— Я могу уйти, — сказала я. — Без претензий к агентству.

— Я еще не решил, нужно ли вам уходить.

Из ванной вернулась Варя. Она вытерла мокрые руки о юбку, заметила мой взгляд и спрятала ладони за спину.

— Полотенце висело высоко, — объяснила она.

Максим посмотрел на крючок у двери, будто уже запомнил эту мелочь.

— На кухне есть бумажные полотенца, — сказал он. — Пойдемте.

Кухня переходила в большую гостиную. Стекланные двери выходили на террасу и сад. Возле дивана стоял столик с лекарствами, бутылкой воды и папкой документов. На ковре лежала игровая приставка, один контроллер был отодвинут к стене.

Мальчик сидел в глубоком кресле, положив левую ногу на низкую банкетку. От колена до щиколотки ногу закрывал жесткий ортез. Никита был худым, бледным и очень сердитым. Такой вид дети часто принимают не от плохого характера, а когда взрослые слишком долго обсуждают их в третьем лице.

— Еще одна? — спросил он у Максима.

— Последняя на сегодня.

— Ты и про прошлую так сказал.

— Прошлая ушла сама.

— Потому что ты заставил ее показать диплом.

— Диплом должен быть у человека, который берется за твое восстановление.

— У меня тоже нет диплома, а нога моя.

Варя остановилась за моей спиной. Я не стала представлять ее и не подошла к Никите. Он и так видел двух незнакомых людей, которых никто не просил приводить.

— Добрый день, — сказала я. — Я Алина. Разговаривать со мной сейчас не обязательно. Никита поднял брови.

— А что обязательно?

— Пока ничего. Я приехала на собеседование с твоим дядей.

— Он наймет тебя, а потом окажется, что мне надо заниматься четыре раза в день.

— Если наймет, сначала я посмотрю назначения врача и узнаю, что ты уже делаешь. Четыре раза в день может быть и слишком много, и слишком мало. Смотря что называть занятием.

— Ходить больно.

— Верю.

Он явно ждал продолжения: обещания, что завтра перестанет, или объяснения, что боль надо потерпеть. Я молчала.

— И все? — не выдержал Никита.

— А что еще я могу сказать, если пока не знаю, почему больно?

Максим указал на стол.

— Резюме и рекомендации здесь. Я распечатал.

Значит, успел прочитать сам, пока мы ехали от ворот. Я села напротив него. Варя выбрала край длинного дивана, достала из рюкзака квадратные листы и начала складывать один пополам.

Максим открыл папку.

— Пять лет в центре детской реабилитации.

— Пять лет и восемь месяцев.

— Почему ушли?

— Центр закрылся. Собственники не договорились о финансировании. Пациентов предупредили за три недели, сотрудников — за две.

— Я проверю.

— Проверяйте. В папке есть номер медицинского директора и согласие на звонок.

— После закрытия вы работали частно?

— Закончила два уже начатых курса на дому. Новых пациентов не брала, потому что рассчитывала выйти в другой центр. Открытие перенесли на сентябрь.

— Мне нужен человек на три месяца. Каждый день, с проживанием, но не круглосуточно. У Никиты есть медсестра по утрам и помощница по дому. Ваша задача — программа восстановления, сопровождение на осмотры и обычный режим, пока его мама проходит реабилитацию.

Он говорил о сестре без подробностей, а я не спрашивала. В анкете агентства было указано: мать ребенка пострадала в той же аварии, временно находится в другом городе в специализированном центре.

— Кто утверждает программу? — спросила я.

— Лечащий травматолог. Консультация раз в две недели, снимок через девять дней. Здесь выписки, рекомендации и план, который подготовили после стационара.

Он подвинул папку.

Я начала с последней выписки, а не с красиво оформленной таблицы. Перелом костей левой голени со смещением, операция, контрольные снимки без вторичного смещения. Формулировки были обычными, сроки реалистичными. В рекомендации, выданной после последнего осмотра, врач разрешал упражнения без осевой нагрузки, работу с движением в голеностопном суставе и ходьбу на двух костылях с частичной нагрузкой только под контролем взрослого.

В распечатанном расписании, составленном частным реабилитационным кабинетом, значились две получасовые прогулки с одним костылем и самостоятельная ходьба по дому после обеда.

Я сверила даты.

— По этому плану Никита занимается сейчас?

— Третий день.

— А до этого?

— Медсестра выполняла назначения из больницы. Почему вы спрашиваете?

— План составлен за четыре дня до последнего приема у травматолога. В нем один костыль и самостоятельная ходьба. В более свежей рекомендации — два костыля, частичная нагрузка и взрослый рядом.

Максим протянул руку к бумагам.

— Покажите.

Я положила листы рядом и указала на даты. Он прочитал оба пункта, затем поднял глаза на Никиту.

— Ты вчера ходил с одним костылем?

— Лена сказала, что так написано.

— Было больнее?

— Я сказал, что нормально.

— Почему?

Мальчик пожал плечами, но движение вышло злым.

— Потому что если скажу, что больно, вы опять повезете меня в больницу.

Максим взял телефон.

— Сейчас позвоню врачу.

— Не при нем, — сказала я.

Он посмотрел на меня так, словно я перехватила управление его самолетом.

— Что?

— Сначала скажите Никите, что из-за боли его никуда не повезут без объяснения. Потом выясняйте назначения. И до разговора с врачом не просите его ходить по этому расписанию.

— Вы еще не работаете здесь.

— Поэтому я не меняю программу. Я обращаю ваше внимание на противоречие в документах. Решение принимаете вы вместе с лечащим врачом.

Он не любил, когда его поправляли. Раньше я принимала его молчание за уверенность и старалась скорее заполнить паузу, смягчить, отступить на полшага. Теперь у меня были диплом, опыт и восемь лет разговоров с родителями, которые требовали поставить ребенка на ноги быстрее, чем позволяла травма.

Я выдержала его взгляд.

Максим первым повернулся к племяннику.

— Никит, послушай. В больницу прямо сейчас мы не едем. Я сначала поговорю с Сергеем Павловичем. Если понадобится осмотр, он объяснит зачем. Без предупреждения тебя никто не увезет.

— Даже если она скажет? — Никита кивнул на меня.

— Даже если Алина скажет. Решение мы обсудим вместе.

Я заметила это «вместе», но не стала исправлять. Для начала было достаточно.

Максим вышел на террасу с телефоном. Сквозь стекло было видно, как он нашел в документах номер и представился. Он не спорил, только задавал короткие вопросы и записывал ответы.

Никита смотрел на меня исподлобья.

— Теперь он всех уволит.

— Кого всех?

— Лену. И ту женщину, которая написала план.

— За Лену не знаю. А с планом сначала надо разобраться.

— Дядя Максим всегда разбирается так, что потом у всех новый начальник.

На диване тихо шуршала бумага. Варя сложила крышу, расправила сгиб и поставила перед собой маленький дом.

— Он кривой, — сказал Никита.

— Я знаю, — ответила Варя.

— Тогда зачем поставила?

— Чтобы увидеть, где криво.

Никита ненадолго задумался.

— У тебя ножницы есть?

— Детские.

— Такими картон не разрежешь.

— А у тебя есть нормальные?

— В верхнем ящике. Только мне вставать нельзя, потому что у всех разные бумажки.

Варя посмотрела на меня. Я открыла верхний ящик кухонного острова, нашла большие ножницы и положила на стол подальше от края.

— Режу я, — сказала я. — Вы можете командовать.

— Я не маленький, — возмутился Никита.

— Верю. Но я не знаю, как ты держишь ножницы и что именно собираешься резать. Это не про возраст.

Он хотел возразить, но в этот момент вернулся Максим.

— План прислали до повторного осмотра, — сказал он. — Обновленную рекомендацию координатор не передал в кабинет. Сегодня только два костыля, без прогулки на улице. Сергей Павлович пришлет уточнение в течение часа.

— Хорошо, — ответила я.

— Это не хорошо.

— Хорошо, что выяснили до прогулки.

Он посмотрел на часы.

— Следующая кандидатка будет через сорок минут.

— Я могу подождать решения агентства в машине.

— Я не об этом. Проведите пробное занятие.

— Без уточненного плана я не стану давать нагрузку.

— Тогда не давайте. Посмотрите, как он двигается, чего боится, что можно исправить в быту. Вы именно это делаете на первичной встрече?

— Да. Если Никита согласен.

Мы оба повернулись к мальчику.

— Я не согласен заниматься, — сказал он.

— Я не предлагала заниматься. Можешь показать, как пересаживаешься из кресла на стул. Один раз.

— Зачем?

— Хочу понять, почему ты все время держишь левое плечо выше правого.

Он сразу опустил плечо.

— Я нормально сижу.

— Сейчас — да. Две минуты назад — нет.

— И что будет, если покажу?

— Скажу, что заметила. Возможно, ничего менять не понадобится.

— А если не покажу?

— Тогда не покажешь.

Максим нахмурился, но промолчал. Никита посмотрел на костыли, на стул у стола и на бумажный дом Вари.

— Мне нужен картон, — сказал он.

— Это связано с пересаживанием? — спросила я.

— Если я сяду за стол, мы сделаем дом нормально.

— Тогда связано.

Я поставила стул так, чтобы справа оставалось место для костылей, и убрала с пола контроллер. Не касаясь Никиты, попросила его объяснить, как ему велели вставать. Он поставил здоровую ногу слишком далеко от кресла, навалился на подлокотник и попытался одним рывком подтянуться вверх. Лицо сразу побледнело.

— Стоп, — сказала я. — Сядь обратно.

— Я могу.

— Вижу. Но мне не нужен показ силы. Мне нужно понять последовательность.

Он опустился в кресло.

Я подвинула здоровую стопу ближе, поставила один костыль справа, второй передала Максиму.

— Я придержу кресло, дядя подаст второй костыль, когда ты выпрямишься. На левую ногу вес не переносим больше, чем разрешено. Если боль станет сильнее обычной, сразу говоришь.

— А если он опять решит про больницу?

— Тогда сначала отвечает на вопрос, что именно его пугает.

Максим медленно выдохнул.

— Договорились.

На этот раз Никита поднялся без рывка. Я не хвалила его и не объявляла победу. Просто попросила переставить костыли, развернуться в три коротких шага и сесть. Он сделал все аккуратно, но у стула снова приподнял левое плечо.

— Рукоять правого костыля выше, — сказала я.

Максим присел и проверил деления.

— На одно отверстие.

— Вчера Лена протирала костыли, — сказал Никита. — Наверное, не туда поставила.

— Возможно. Исправим и посмотрим, станет ли удобнее. Это не объясняет всю боль, но плечо хотя бы не придется тянуть вверх.

После регулировки Никита повторил путь. Медленнее, зато без перекоса. За столом он сразу потребовал коробку из-под доставки и линейку. Варя развернула свой дом и стала показывать, где ошиблась с размером крыши.

Максим наблюдал за ними, стоя рядом со мной.

— Вы специально его не хвалите? — спросил он тихо.

— За что именно?

— Он встал и дошел.

— Он делает это несколько дней. Если я начну радоваться каждому шагу, то превращаю обычное действие в экзамен. Лучше отмечу то, что он сам изменил: поставил ногу ближе, не торопился, сказал о неудобной рукояти.

— Он не сказал. Вы заметили.

— В следующий раз скажет.

— Вы уверены?

— Нет. Но для этого и нужен следующий раз.

Он скрестил руки на груди.

— Оставайтесь до вечера.

— В качестве кого?

— Кандидата на испытательном дне. Оплата по ставке агентства. Посмотрите дом, поговорите с медсестрой, составьте список вопросов лечащему врачу. В шесть созвон с моей сестрой. После него решим.

Это было разумное предложение. Настолько разумное, что отказаться можно было только по личной причине, о которой Максим не знал.

— Мне нужно обсудить это с Варей.

— Конечно.

Я подошла к столу. Дети уже спорили, сколько окон должно быть в картонном доме.

— Варюш, выйдем на минуту?

Она внимательно посмотрела на мое лицо, отложила линейку и пошла за мной в прихожую.

— Это тот Максим? — спросила она шепотом.

У меня похолодели ладони.

— Какой тот?

— Которого бабушка Галя не любит.

Я присела перед ней.

— Бабушка Галя не говорила, что не любит его.

— Говорила, что хорошо, что его нет в нашей жизни.

Дети слышат не только то, что им говорят. Иногда они запоминают фразу, которую взрослые произносят на кухне, уверенные, что мультфильм в комнате звучит достаточно громко.

— Когда это было?

— Давно. Ты потом сказала ей не начинать.

— Понятно.

— Он плохой?

— Нет. Мы давно были знакомы и плохо расстались. Это не делает его плохим.

Варя подумала.

— А он знает меня?

Я не ожидала, что она спросит об этом сейчас.

— Он знает, что ты моя дочь.

Формально я не солгала, но скрыла главное.

— Мы можем остаться сегодня? Никита не умеет делать крышу.

— А ты умеешь?

— Уже да. Я поняла, где криво.

Я улыбнулась и поправила ей выбившуюся прядь.

— Можем. Но если тебе станет неудобно, сразу скажи.

— Хорошо.

Когда мы вернулись, Максим разговаривал с женщиной в медицинской форме. Он представил ее как Елену, приходящую медсестру. Мы разобрали назначения и обнаружили, что она действительно получила расписание по электронной почте без новой выписки. Елена не оправдывалась и не пыталась переложить вину. Записала уточнения, проверила лекарства и пообещала впредь сверять дату каждого документа. Максим никого не уволил.

Вторая кандидатка все-таки приехала. Максим поговорил с ней в кабинете, пока я осматривала комнату Никиты. Через двадцать минут женщина уехала. Я не спрашивала, что они обсуждали: испытательный день еще не означал, что место досталось мне.

До обеда я осмотрела комнату Никиты, ванную и ступеньки на террасу. Дом был удобным для здорового ребенка и неудобным для мальчика на костылях: коврик скользил, в ванной не было надежной опоры, часто нужные вещи лежали в верхних ящиках. Я составила короткий список без ремонта и дорогого оборудования. Убрать коврик. Поставить устойчивый стул у душа после согласования с врачом. Переложить одежду и настольные игры ниже. Освободить путь от кровати до двери.

Максим прочитал список.

— Это все?

— На сегодня. Через неделю станет понятно, что еще мешает.

— Можно заказать поручни.

— Можно. Но сначала спросите Никиту, где ему действительно нужна опора. И у врача — какие движения разрешены.

— Вы часто говорите мне спрашивать.

— Вы часто начинаете с решения.

В его взгляде мелькнуло что-то похожее на прежнюю усмешку.

— Раньше вас это устраивало.

— Раньше мне было двадцать пять.

— Мне было тридцать два. Не такая большая разница.

— Семь лет — как выяснилось, большая.

Он отвернулся к окну. Я слишком поздно поняла, что сказала. За эти семь лет родилась и выросла Варя. Сейчас она сидела за столом и вырезала из картона крышу, а Максим не знал, что смотрит на собственную дочь.

Но Максим услышал только то, что мог услышать.

— Вы вышли замуж через год, — сказал он. — Значит, разница действительно была.

Он знал. Возможно, увидел фотографию у общего знакомого или однажды нашел мою страницу. Тогда год тоже казался коротким сроком.

— Денис был моим другом задолго до нашей свадьбы.

— Он не против, что вы собираетесь жить здесь с дочерью?

От прямого ответа уже нельзя было уйти.

— Денис погиб два года назад.

Максим повернулся.

— Я не знал.

— Неоткуда было знать.

— Сочувствую.

Без пустых слов, без попытки немедленно смягчиться. За это я была ему благодарна.

Из гостиной раздался треск картона, затем возмущенный голос Никиты:

— Я говорил, что здесь нужна двойная стенка!

— А я говорила не давить локтем, — ответила Варя.

Мы одновременно посмотрели в их сторону.

— Испытательный день, — напомнил Максим. — До шести.

— Хорошо.

— Если Анна согласится и Никита не передумает, контракт начнется в понедельник. Для вас с Варей есть две комнаты на первом этаже и отдельная ванная. Срок три месяца, как в объявлении.

— Я помню условия.

— Тогда остался один вопрос.

Я ждала того самого вопроса семь лет. Он мог спросить, почему Варе шесть. Мог уточнить дату ее рождения. Мог внимательно посмотреть на линию подбородка, которую я замечала каждый день и которой больше не придавала мистического значения. Дети похожи на десятки родственников и иногда на людей, не имеющих к ним никакого отношения.

Максим кивнул на гостиную.

— Ваша дочь сможет жить в доме, где основное внимание будет не ей?

Я медленно выдохнула.

— Сможет, если у нее останутся свое время, свои занятия и право не дружить с Никитой по расписанию. Я не собираюсь делать из нее часть его реабилитации.

— Справедливо.

Он ушел отвечать на звонок, а я осталась в коридоре между кухней и гостиной. Варя держала картонную стену, Никита наклеивал на нее узкую полоску скотча. Они уже не спорили.

Я приехала на обычное собеседование, потому что мне были нужны работа и крыша над головой. К полудню у меня появился испытательный день в доме Максима Орлова.

Если он предложит контракт, три месяца мы будем завтракать за одним столом, обсуждать детей и встречаться в коридоре по вечерам.

И все это время он будет считать Варю дочерью другого мужчины.

Глава 2. Три месяца под одной крышей

К шести вечера картонный дом занял половину кухонного стола, а я знала о жизни Никиты больше, чем собиралась узнать за один день.

Он не боялся самой боли. Он боялся, что взрослые воспримут ее как доказательство новой беды и снова начнут решать все без него. После аварии мальчика трижды перевозили из одной больницы в другую. Перед второй операцией ему сказали, что это обычная перевязка, чтобы он не нервничал. С тех пор любое «потерпи немного» означало для него обман.

Об этом Никита сообщил не мне, а Варя. Я услышала их разговор, когда проверяла высоту кровати в его комнате. Дверь оставалась открытой.

— Тебе делали операцию? — спросил он.

— Аппендицит вырезали, — ответила Варя. — Мне сказали честно. Я все равно боялась.

— А мне не сказали.

— Это глупо.

— Я знаю.

Никита произнес это без злости, и я решила не входить. Сведения, услышанные случайно, не давали мне права начинать разговор без его согласия.

В шесть Максим поставил ноутбук на кухонный стол. На экране появилась Анна. Она сидела в инвалидном кресле у окна больничной палаты. Волосы были коротко подстрижены, на правой руке виднелся фиксатор. Лицом она походила на брата, но улыбалась легче.

— Никит, покажись сначала, — попросила она.

— Я здесь.

Он придвинул стул ближе к экрану. Максим сразу протянул руку, чтобы помочь, но остановился, когда племянник взял костыли сам.

Это была мелочь. Утром Максим встал бы рядом прежде, чем Никита успел подумать. Сейчас он дождался просьбы, которой не последовало.

— Ты сегодня бледный, — сказала Анна.

— Нормальный. Мы дом строили.

— Вижу. Почему без двери?

— Варя говорит, дверь должна открываться. А петли из бумаги рвутся.

— Значит, завтра будете искать другой способ.

Никита представил нас. Варя помахала в камеру, после чего спросила, можно ли ей вернуться к крыше. Анна разрешила так серьезно, словно это был ее дом и ее стол.

Когда дети ушли в гостиную, Максим кратко рассказал сестре об ошибке в документах. Он не назвал виноватого и не преувеличил риск. Я отметила это про себя.

— Сергей Павлович прислал уточнение, — сказал он. — До снимка два костыля, нагрузка не больше четверти веса, без лестниц и улицы, если дорожка мокрая. Алина предлагает сначала вернуть контроль над движением и убрать страх, а не увеличивать расстояние.

Анна посмотрела на меня.

— Вы можете обещать, что через три месяца он будет ходить нормально?

— Нет.

Максим повернул голову. Видимо, другая кандидатка обещала.

— Могу обещать, что программа будет опираться на назначения врача и реакцию Никиты, — продолжила я. — Через девять дней будет снимок. После него цели уточнятся. Сейчас реалистично научить его безопасно двигаться в разрешенных пределах, уменьшить лишнее напряжение и вернуть ему участие в решениях.

— А если он откажется?

— Будем выяснять, от чего именно. От конкретного упражнения, боли, усталости или от того, что его не спросили. Отказ — это информация, а не конец работы.

Анна провела ладонью по коротким волосам.

— До аварии он занимался плаванием. Тренер говорил, что у Никиты хорошая техника. Теперь он спрашивает, сможет ли вернуться в бассейн, а я не знаю, что отвечать.

— Отвечайте честно: вы тоже пока не знаете. После следующего снимка зададим этот вопрос врачу и запишем этапы возвращения. Ребенку легче выдерживать неопределенность, когда взрослые не подменяют ее обещанием.

Она помолчала.

— Мне подходит.

— Анна, — вмешался Максим, — сначала нужно обсудить условия.

— Обсуждайте. Но специалиста выбираю я вместе с Никитой. Ты сам так сказал.

— Я помню.

— Тогда позови его.

Никита вернулся с полоской картона в руке.

— Мам, если ты про Алину, пусть остается. Она не врет, что больно не будет.

На этом мое второе собеседование закончилось.

Максим проводил детей на террасу и закрыл стеклянную дверь. Дождь прекратился, дорожки блестели, поэтому Никита остался в кресле у выхода, а Варя собирала с края клумбы мелкие камешки для фундамента.

Мы с Максимом сели друг напротив друга. Он положил между нами проект договора.

— Три месяца, начиная с понедельника. Пять рабочих дней, но вы живете здесь постоянно. В выходные за Никиту отвечаю я или сменная сиделка. Если понадобится ваша помощь сверх графика, она оплачивается отдельно и только с вашего согласия.

— Ночные вызовы?

— Не входят. В экстренной ситуации вы, разумеется, вызовете помощь, как любой взрослый в доме. Но дежурить возле его кровати не обязаны.

— Сопровождение к врачу?

— В рабочее время входит. Машина с водителем или я.

Сумма была выше той, на которую я рассчитывала. Не настолько, чтобы выглядеть попыткой купить мое согласие, но достаточно, чтобы к осени снять квартиру и спокойно дожидаться первой зарплаты в новом центре.

Я перечитала пункт о проживании.

— Здесь указана одна комната.

— Стандартная форма агентства. Для вас подготовят две смежные комнаты и ванную на первом этаже. Питание включено. Варя может пользоваться садом и общей гостиной. Если понадобится няня на ваши рабочие часы, расходы беру на себя.

— Няню выбираю я.

— Хорошо.

— И оплачивать ее буду сама. Варя находится здесь из-за моих обстоятельств, а не ради Никиты.

— Это условие контракта с проживанием. Я оплачиваю жилье специалиста. Если у специалиста есть ребенок, его безопасное пребывание тоже входит в расходы.

Он говорил как руководитель, а не как мужчина, с которым я когда-то делила маленькую квартиру у метро. Тогда мы спорили, кто купит продукты, и Максим умудрялся переводить мне половину суммы даже за булку хлеба. Деньгами он всегда обозначал, за что отвечает.

— Пусть агентство впишет фиксированную сумму на присмотр за Варей, — предложила я. — Я выберу человека, вы оплатите по счету. Никаких наличных и личных договоренностей.

— Принимается.

Он сделал пометку.

— Еще мне нужны полномочия отменять занятие, если состояние Никиты изменилось, — сказала я. — Без вашего предварительного согласия. С уведомлением вас, Анны и врача, если это медицински значимо.

— Отменять легко. Мне нужен результат.

— Тогда наймите тренера, который будет считать повторы. Я отвечаю за безопасное восстановление, а не за красивую таблицу.

— Вы уже отменили сегодняшнюю прогулку.

— Ее отменил лечащий врач. Я нашла несоответствие.

— Если Никита скажет, что устал, вы каждый раз будете заканчивать?

— Нет. Спрошу, где болит, когда началось и что изменилось. Иногда предложу другое упражнение. Иногда дам перерыв. Иногда закончу. Решение зависит не от одного слова, а от состояния ребенка.

Максим постучал ручкой по полю договора.

— Я хочу видеть план на неделю.

— Увидите. С целями и допустимой нагрузкой. Но ежедневный порядок может меняться.

— Насколько?

— Настолько, насколько потребуются, чтобы не работать против лечения.

— Очень удобная формулировка.

— Поэтому вы нанимаете специалиста с рекомендациями, а не удобной формулировкой.

За стеклом Варя подняла горсть мокрых камней. Никита что-то сказал, она высыпала половину обратно и выбрала два самых плоских.

Максим проследил за моим взглядом.

— Вы всегда спорите с работодателями на собеседовании?

— Только по вопросам, за которые потом отвечаю.

— А по остальным?

— По остальным могу подождать первого рабочего дня.

Он усмехнулся. Впервые за день по-настоящему.

— Агентство подготовит новую редакцию к утру. Подпишем электронно. Переехать можете в воскресенье.

— После того как увижу окончательный договор.

— Разумеется.

Я собрала бумаги, но Максим не открыл дверь на террасу.

— Есть личное условие, — сказал он.

Я напряглась.

— Какое?

— Наше прошлое не должно влиять на работу. Ни на Никиту, ни на Анну, ни на Варю.

Последнее имя прозвучало спокойно. Он включил мою дочь в список людей, которых собирался защитить от неудобства, и не представлял, насколько поздно ставит это условие.

— Согласна.

— Если поймете, что не справляетесь, скажете сразу.

— То же относится к вам.

— Я не ваш сотрудник.

— Зато вы человек, который может сделать работу невозможной.

Максим откинулся на спинку стула.

— Вы думаете, я стану вспоминать старые обиды?

— Я не знаю, каким вы стали.

— А я, видимо, знаю, какой стали вы.

— По одному дню?

— По тому, как вы разговариваете со мной.

— Сегодня я разговаривала с работодателем.

— Вот именно.

Я не стала спрашивать, что он имел в виду. В двадцать пять лет я была уверена, что близость дает право угадывать чужие мысли. Теперь предпочитала прямые слова.

Мы вышли на террасу. Никита сидел у стола, вытянув ногу. Картонная дверь держалась на двух полосках ткани.

— Это Варя придумала, — сообщил он. — Бумага рвалась.

— Ткань прочнее на сгибе, — сказала я.

— Я тоже помогал.

— Вижу. Ровно приклеено.

Он посмотрел на меня с подозрением, проверяя, не является ли это похвалой ради похвалы.

— Ты будешь здесь жить? — спросил он.

— Если подпишем договор.

— А Варя?

— Тоже.

— Можно поставить дом в моей комнате?

Варя первой покачала головой.

— Мы еще мебель не сделали.

— Значит, закончите в понедельник, — решил Никита.

— В понедельник я буду работать, — напомнила я. — Варя не обязана помогать тебе весь день.

— Я знаю. После работы.

— После моей работы, — уточнила Варя. — Я тоже занята.

— Чем?

— Каникулы начинаются. Это очень много дел.

Никита принял этот ответ без возражений.

Перед отъездом я попросила его оценить боль по шкале от нуля до десяти и показать, где именно она возникает. Он назвал шесть при вставании и три в покое. Мы записали цифры, время и то, что накануне он ходил с одним костылем. Не ради отчета, а чтобы сравнить завтра.

Максим стоял рядом.

— Если ночью станет сильнее?

— Следуйте памятке врача. Там указаны признаки, при которых нужно обращаться за срочной помощью. Если боль просто усилится, но этих признаков не будет, позвоните дежурному в клинику. И не обещайте Никите, что точно никуда не поедете. Обещайте объяснять.

— Вы повторяетесь.

— Потому что это важно.

В машине Варя пристегнулась и сразу спросила:

— Мы переезжаем сюда?

— Возможно.

— Здесь далеко от Леры.

Лера была ее подругой из подготовительной группы и жила через два подъезда от нас.

— Я буду возить тебя. И вы сможете созваниваться.

— А наша квартира?

— Ее все равно продают. Помнишь, я говорила?

— Помню. А в новом доме у меня будет своя комната?

— Да. Небольшая.

— А у Никиты мама вернется?

— Когда врачи разрешат ей закончить лечение дома.

Варя посмотрела в окно. Дом Максима виднелся за деревьями.

— Он строгий.

— Никита?

— Максим.

— Иногда.

— Ты его боишься?

Я завела двигатель, но не тронулась.

— Нет. Я боюсь ошибиться. Это другое.

— Ты хорошо работаешь.

— Ошибиться можно не только в работе.

Она приняла ответ, потому что пока не знала, какой вопрос нужно задать дальше.

Ночью я почти не спала. Перечитывала договор, считала расходы, искала квартиру, которую смогла бы снять без этой работы, и каждый раз возвращалась к одной цифре. Даже самое дешевое подходящее жилье требовало залога и оплаты за первый месяц. После этого у нас не оставалось запаса.

В половине второго пришло сообщение от Максима.

«Боль в покое — два. Уснул. Врач подтвердил прежние инструкции. Новая программа утром».

Следом появилось второе.

«Договор отправлен».

Я открыла файл. Агентство внесло наши условия: мои профессиональные полномочия, отдельную оплату няни, рабочие часы, право на выходные и две комнаты. В конце стояла электронная подпись Максима.

Мне оставалось поставить свою.

Я посмотрела на Варю. Она спала поперек кровати, сбросив одеяло. На тумбочке лежал картонный шаблон двери, который Никита отдал ей на память.

Семь лет назад я приняла решение за Максима, уверенная, что уже знаю его ответ. Теперь собиралась войти в его дом по договору, где каждое право было прописано отдельно.

Я нажала «Подписать».

Три месяца под одной крышей начались с документа, в котором не было ни слова о том, что Максим Орлов — отец моей дочери.

Глава 3. Допустимый риск

За первую неделю в доме Максима мы установили три правила.

Первое: Никита сообщал о боли до занятия, во время и через час после него. Не для того, чтобы немедленно все отменить, а чтобы видеть связь между нагрузкой и состоянием.

Второе: Максим не входил в комнату со словами «почему вы еще не начали».

Третье появилось благодаря Варе: никто не трогал картонный кинотеатр без разрешения его создателей.

В будни на четыре часа приходила выбранная мной няня. В остальное время Варя оставалась со мной или ездила к маме. Она не была частью программы Никиты и дружила с ним только тогда, когда сама хотела.

Картонный дом, начатый в первый день, быстро перестал быть домом. Никита предложил снять крышу, Варя вырезала широкий экран, а потом они решили построить зал на террасе. Коробки принесла помощница по дому Ольга, старую простыню разрешила взять я, проектор Максим нашел в кладовой. Каждый взрослый внес что-то практическое, но дети считали кинотеатр своей работой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.